

МОРАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ И РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Чувства вины и стыда входят в группу эмоций, называемых обычно в англоязычной литературе self-conscious emotions, или "эмоции самосознания", включающую эмоциональные явления, неотъемлемо связанные с представлением о себе и о своих действиях, а также с "Я-концепцией" в социальных взаимоотношениях [1]. В русскоязычной литературе эти эмоции принято называть "социальными", что подразумевает представленность других людей в содержании данных эмоциональных явлений, или "моральными", т.е. являющимися ключевым моментом морального аппарата человека, и проводящими черту между моральными стандартами и моральным поведением.

Первые указания на существенную роль социальных эмоций можно найти уже у Freud в работе "Я и Оно" (1923). Чувству вины Freud отводит роль индикатора внутреннего конфликта, а стыд рассматривает как форму контроля за сексуальными импульсами. В дальнейшем чувства вины и стыда рассматривались Alexander, заняли важное место в модели возрастной периодизации Erikson. Однако все последующие работы в русле психоаналитического направления привели лишь к вариациям в степени различия чувств вины и стыда, а также в последовательности их появления в онтогенезе.

На первом большом симпозиуме по проблемам эмоций в 1928 году вопрос о социальных эмоциях даже не поднимался, однако на втором симпозиуме в 1948 году уже было представлено два доклада, посвященных чувству вины и стыда – доклад американского психиатра Jenkins, который определяет вину как чувство недовольства собой, вызванное осознанием человеком несоответствия между своим поведением и принятыми моральными нормами, целью которого является корректировка поведения в целях его большего соответствия моральным эталонам, а также доклад бельгийского психолога Nuttin, где автор связывает переживание стыда с нарушением условий защищенности внутреннего мира, психологической интимности [1].

В советской психологии также были некоторые попытки описания и эмпирического исследования отдельных социальных эмоций, в том числе исследование развития чувства стыда у дошкольников как показателя их морального развития Кульчицкой, а также работы Леви и Волкова по изучению застенчивости, исследование эмпатии Гавриловой.

В последние двадцать лет наблюдается резкое усиление интереса исследователей к "эмоциям самосознания", однако, анализируя литературу, мы сталкиваемся в основном с зарубежными работами (в т.ч. Fisher, Tangney, Shaver, Ferguson, Euge, Mascolo и многие другие).

В отечественной науке обращение психологов к феноменам вины и стыда происходит, как правило, в рамках общей теории эмоций и чувств (работы Ю.И. Сидоренко, Г.Х. Шингарова, П.М. Якобсона), в теории морального развития и воспитания (В.А. Малахов, С.Г. Якобсон, В.Г. Щур), в свете изучения социальной адаптации (работа А.П. Растигеева), либо в контексте исследования самосознания и самоотношения (И.С. Кон, С.Р. Пантеев, И.Н. Семенов, Е.Т. Соколова, В.В. Столин и др.).

Тем не менее, несмотря на то, что понятия вины и стыда постоянно присутствуют в различных социально-этических теориях и при изучении психопатологии, количество эмпирических исследований резко отстает от теории. Ключевым фактором, задерживающим систематические эмпирические исследования этих эмоций, является проблема измерения, а именно необходимость наличия психометрических единиц измерений вины и стыда [15]. Оценивая существующие работы, мы сталкиваемся с двумя проблемами: проблемой используемых определений чувств вины и стыда, а также насколько хорошо эти определения позволяют провести операционализацию рассматриваемых феноменов.

Долгие годы психологи не проводили различий между чувствами вины и стыда – в большом количестве современной клинической литературы вина и стыд упоминаются в аналогичном ключе, а именно как "моральные эмоции", сдерживающие социально нежелательное поведение, или как эмоциональные реакции, играющие ключевую роль в возникновении психопатологических симптомов. Все попытки провести черту между стыдом и виной можно разделить на 3 категории: а) разделение, основанное на типе детерминирующих событий – публичное или личное; б) на природе проступка – общественная или индивидуальная; в) на уровне, с которым человек истолковывает детерминирующее эмоцию событие, – как ошибку "Я" или поведения [17].

Последние исследования (Keltner&Buswell, 1996; Tangney 1992; Tangney et al., 1994; Tracy&Robins, 2006) показывают, что тип события мало значит в разграничении вины и стыда. Большинство типов событий (например, ложь, мошенничество, воровство и т.д.) для одних людей связаны с чувством стыда, а для других – с чувством вины. Как показано Shweder (1997), большинство неудач и проступков переживаются как релевантные некому "моральному миксу".

Что касается разделения вины и стыда по природе проступка, то чувство стыда традиционно рассматривается как "публичная" эмоция, возникающая из публичного осуждения за какой-либо проступок, а чувство вины – как более "личный" опыт, возникающий из мук совести. Однако результаты исследований Tangney и др. ставят эти факты под сомнение – "личное" переживание чувства стыда также распространено, как и "личное" переживание чувства вины [16].

Господствующая теория о разграничении стыда и вины теория впервые предложена Lewis в 1971 г. Согласно этой теории, стыд запускает негативную оценку "Я", а вина – негативную оценку своего поведения. В связи с этим чувство стыда является более болезненным переживанием, чем чувство вины, включающим чувство собственной беспомощности и ничтожности по сравнению с другими [13].

Данная теория имеет основательное эмпирическое подтверждение, в том числе экспериментальные и корреляционные исследования (Ferguson, Stegge & Damhuis, 1990, 1991; Ferguson & Stegge, 1995; Lindsay-Hartz, De Rivera & Mascolo, 1995; Niedenthal, Tangney & Gavanski, 1994; Tangney, 1993; Tangney et al., 1994, 1996 и др.).

Эмпирические исследования также показывают, что вина и стыд не в равной степени являются моральными эмоциями, а именно чувство вины, в отличие от чувства стыда, более моральная и адаптивная эмоция [17].

Сравнительные исследования указывают на различия чувств вины и стыда в плане их мотивационных последствий (Wicker et al., 1983; Lindsay-Hartz, 1984; Wallbott & Scherer 1995; Tangney et al. 1996; Ketelaar & Au, 2003): вина порождает

конструктивные профилактические импульсы, тогда как стыд – оборонительную межличностную сепарацию и дистанцирование.

Существуют также данные о том, что стыд может вызывать не только избегание, но и ответный гнев, враждебность защитного характера. В противоположность, чувство вины связывается с конструктивной констелляцией эмоций и поведенческих реакций [13].

Кроме того, чувства вины и стыда по-разному связаны с эмпатией. Доказано, что склонность к чувству вины позитивно коррелирует со шкалами обаяния и эмпатии, чувство стыда же, напротив, связано с тенденцией к центрированию на собственном дистрессе.

Исследования показывают, что склонность к чувству стыда, в отличие от чувства вины, связана с широким кругом психопатологических симптомов от низкого самоуважения, депрессии, тревожности до симптомов расстройства пищевого поведения, ПТСР и суицидальных тенденций (Ashby et al., 2006; Crossley & Rockett, 2005; Feiring & Taska, 2005; Feiring et al., 2002; Harper & Arias, 2004; Henderson & Zimbardo, 2001; Murray et al., 2000 и др.).

Существуют исследования, выявляющие различную роль чувств вины и стыда в рискованном и девиантном поведении. Выяснено, что вина отрицательно связана с антисоциальным и рискованным поведением (Stuewig & McCloskey 2005, Tangney 1994), тогда как стыд позитивно коррелирует с намерениями к противозаконному поведению (Tangney & Dearing, 2002 и др.) [17].

Таким образом, эмпирические исследования сходятся в том, что чувство вины, в отличие от чувства стыда, актуализирует мотивацию выбора морального пути в жизни, побуждает человека брать на себя ответственность и занимать конструктивную позицию в соответствующих ситуациях.

По мнению С.Г. Якобсона, качественное различие между переживанием чувств вины и стыда заключается в том, что стыд связан с первым уровнем моральной регуляции, где в качестве "последней инстанции", определяющей поступает ли человек "хорошо" или "плохо", выступают реальные "другие", тогда как чувство вины является более сложным переживанием, так как соотносится не столько с возможными оценками конкретных людей "здесь-и-теперь", сколько с должными (как интернализированным идеалом поведения) [7].

Все существующие стратегии измерения чувств вины и стыда условно можно разделить на 2 группы: отражающие актуальное эмоциональное состояние (ощущение вины и стыда к данный момент) и отражающие эмоциональные диспозиции (склонность к появлению чувств вины и стыда).

Наиболее распространенными методиками измерения чувства вины и стыда как состояний являются Differential Emotions Scale (DES, Izard, 1977), а также модифицированный вариант DES (Mosher and White, 1981). Несмотря на высокую внешнюю валидность, эти методики обладают существенным недостатком - они сильно полагаются на способность испытуемых различать вину и стыд [16].

Среди методик, измеряющих чувства вины и стыда как диспозиции, выделяют методики, направленные на измерение только одной из двух диспозиций, такие как Buss-Durkee Hostility-Guilt Inventory (Buss & Durkee, 1957), Mosher Forced-Choice Guilt Inventory (Mosher, 1966) и др. Для этих методик главной проблемой является отсутствие четкого разделения чувств вины и стыда, т.е. полученные с их помощью данные являются недифференцированными показателями вины/стыда, вследствие чего получаемые результаты не позволяют выяснить специфическую роль чувств вины и стыда в различных аспектах психологического и социального функционирования.

Другую подгруппу методик можно обозначить, как методики, основывающиеся на разведении склонностей к переживанию вины и стыда. В эту подгруппу входят опросники, вызывающие проявления чувств вины и стыда, такие как Beall Shame-Guilt Test (1972) и др. Главной проблемой этого типа инструментов, является спорный критерий разведения вины и стыда - тип события, вызывающий эмоцию. Недавние исследования (Tracy & Robins, 2006 и др.) показывают, что тип события мало значит в разграничении вины и стыда, т.к. большинство неудач и проступков чаще всего переживаются людьми как некий "моральный микс".

Также к этой подгруппе относятся опросники, основанные на перечне эмоциональных характеристик, например, Revised Shame-Guilt Scale (Hoblitzele, 1987), Personal Feelings Questionnaire (Harder, 1992) и др. Несмотря на высокую внешнюю валидность, такие опросники обладают рядом недостатков. Во-первых, они требуют обязательного наличия высококоразвитых вербальных навыков у испытуемых. Кроме того, исследователь должен быть уверен, что испытуемый может оценить вероятность переживания чувства вины, независимо от чувства стыда, а согласно исследованиям (Lindsay-Hartz, 1984; Tangney, 1989) даже у взрослых людей с хорошим образованием возникают трудности с четкой формулировкой абстрактных определений вины и стыда. Но самым большим недостатком подобных опросников является то, что они требуют от испытуемых оценки собственного аффективного состояния вне соответствующего контекста.

Третьим подтипом методик оценки чувств вины и стыда как диспозиций являются методики, основанные на сценариях (Self-Conscious Affect and Attribution Inventory (SCAAI) Tangney (1988), Emotion Story test (EST) Brody (1996), Test of Self-Conscious Affect (TOSCA) Tangney (1989) и др.). Сильными сторонами таких методик являются: а) оценка аффективного состояния встроена в соответствующий контекст; б) от испытуемого не требуется различения абстрактных понятий вины и стыда; в) такой подход меньше провоцирует возникновение защитных реакций; г) методики, основанные на сценариях легче адаптируются на разных возрастных группах. Недостатками этих методик являются: а) внутренняя согласованность ниже, чем в опросниках, основанных на перечне характеристик; б) данная разновидность методик направлена на оценку общих тенденций к переживанию чувств вины и стыда, поэтому они состоят их широко распространенных ситуаций, упуская из вида более уникальные случаи; в) согласно Kugler and Jones (1992), методики, основанные на сценариях, в большей степени измеряют моральные ценности и стандарты, нежели чем реальные эмоции вины и стыда, однако в TOSCA вероятность оценки моральных принципов сведена до минимума путем фокусировки на феноменологических описаниях опыта, а не на когнитивных оценках, где поведение может оцениваться как "правильное" и "неправильное", а также путем уклонения от спорных вариантов поведенческих реакций, которые могут быть оценены с точки зрения морали [18].

В настоящее время интерес психологов фокусируется на нескольких областях.

Во-первых, это изучение специфической роли вины и стыда в конкретных предметных областях. Исследователи, интересующиеся психологией пищевых расстройств, связывают стыд с восприятием собственного тела, согласно

Objectification Theory (Frederickson & Roberts, 1997). Чувство вины рассматривается в контексте психической травмы (Blacher, 2000; Kubany et al., 2004 и др.), как возможной детерминанты последующих симптомов депрессии и др. Разрабатываются также новые формы когнитивной процессуальной терапии, направленной на редукцию данной эмоции.

Кроме того, активно изучаются копинговые стили, соответствующие переживанию вины и стыда (Nathanson, 1992 и др.), разработана методика измерения индивидуальных различий в совладании с чувством стыда - Compass of Shame Scale (COSS-4) (Elison et al., 2006). Данная методика состоит из пяти шкал, четыре из которых отражают возможные копинг-стратегии, возникающие в ситуации появления чувства стыда, а пятая оценивающая общую адаптивность реакций. Среди реакций совладания выделяются следующие: направленная вовнутрь злость и порицание ("атака Я"), тенденция к избеганию, отрицание или эмоциональное дистанцирование/минимизацию ситуации, направленная вовне агрессия и недовольство [15].

В рамках психофизиологического направления рассматриваются психобиологические маркеры чувства стыда (Dickerson et al., 2004; Gruenewald et al., 2004). В частности выявлено, что чувству стыда, в отличие от чувства вины, соответствует относящийся к иммунитету ответ, а именно усиление активности цитокина, а также повышение уровня кортизола, основной функцией которого является сохранение энергетических ресурсов организма [17].

В социальной психологии активно изучаются феномены "коллективных" (или "vicarious") чувств вины и стыда – чувства, переживаемые в ответ на проступки других индивидов (Iyer et al., 2006; Schmader & Lickel, 2006 и др.). В своем исследовании Lickel, Schmader и колл. (Lickel et al. 2004, 2005) представили доказательства того, что "коллективное" чувство стыда чаще всего возникает в ситуации, когда возникает угроза групповой идентификации, то есть, когда речь идет о поддержании позитивной групповой идентификации. "Коллективное" чувство вины, с другой стороны, в большей вероятностью возникает в случае, если имеет место межличностная зависимость с правонарушителем, а также, если на первый план выходит нанесение вреда другой группе или человеку [14, 18].

В рамках этнопсихологии с середины XX века активно разрабатывается типология культур (культура вины и культура стыда), впервые предложенная Р. Бенедикт в книге "Хризантема и меч: модели японской культуры" (1946). Суть ее в том, что необходимо различать культуры, которые делают основной упор на вину, и культуры, делающие упор на стыд. Основная идея Р. Бенедикт, а также других исследователей стыда и вины в контексте различных культур, заключается в следующем: а) Япония представляет собой культуру стыда, которая проявляется в обостренной восприимчивости к оценкам окружающих, в противовес западным культурам вины; б) культуры вины основываются на переживаниях личной вины, в культуре стыда моральный фактор – стыд, возникающий из-за неумения соблюсти баланс и следовать принятым в обществе нормам и правилам; в) в культуре стыда высшая добродетель знать стыд; только такой человек истинно добродетелен, что соответствует понятию порядочного человека на Западе [6]. Исследования в области этнопсихологии открывают новое видение функций чувств вины и стыда, а также их роли и места в современном обществе.

Кроме того, как в отечественной психологии (Соколова, Соловьева, 2003), так и зарубежом (Andrews, 1998; Deblinger & Runyon, 2005; Murray & Waller, 2002 и др.) разрабатывается проблема связи насилия в раннем возрасте со склонностью к переживанию чувства стыда [5, 17]. Несмотря на то, что существует много теорий о том, что плохое обращение с детьми в разных формах (физическое насилие, сексуальное насилие, игнорирование, жестокое воспитание) вызывает уязвимость к возникновению чувства стыда, систематические эмпирические исследования начали проводиться только недавно.

Таким образом, проведенный анализ литературы показал, что за последние годы значительно увеличилось количество как теоретических, так и эмпирических исследований таких важных регуляторов человеческого поведения, как чувства вины и стыда, однако на данный момент и в отечественной психологии, и зарубежом, рассматриваемые феномены исследованы недостаточно. Это указывает на необходимость интенсификация исследований в области "эмоций самосознания" в целом, и чувств вины и стыда в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бреслав Г.М. Психология эмоций / Г.М. Бреслав [2-е изд.]. – М.: Смысл: Изд. центр "Академия", 2006.
2. Изард К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер, 1999.
3. Муздыбаев К. Переживание вины и стыда / К. Муздыбаев. – СПб.: СПбф ИС РАН, 1995.
4. Поттер-Эфрон Р.Т. Стыд, вина и алкоголизм: клиническая практика / Р.Т. Поттер-Эфрон. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.
5. Соколова Е.Т., Соловьева Н.П. Особенности феноменов вины и стыда у лиц, совершивших сексуальные правонарушения / Е.Т. Соколова, Н.П. Соловьева // Сексология и сексопатология. – 2003. – №3. – С.18-23.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Академический проспект, 1999.
7. Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей / С.Г. Якобсон. – М.: Педагогика, 1984.
8. Elison J., Lennon R, Pulos S. (2006). Investigating the compass of shame: the development of the compass of shame scale. Soc. Behav. Personal, 34, pp. 221–238.
9. Ferguson T., Crowley S. (1997) Measure for measure: Guilt is not a unitary construct. Journal of Personality Assessment, 69, pp. 425-441.
10. Guimon J., Las Hayas C., Guillen V., Boyra A., Gonzales-Pinto A. (2007). Shame, sensitivity to punishment and psychiatric disorders. Eur. J. Psychiat. Vol. 21, No. 2, pp. 124-133.
11. Kugler K., Jones, W. H. (1992). On conceptualizing and assessing guilt. Journal of Personality and Social Psychology, 62, pp. 318-327.
12. Las Hayas C., Guillen V., Gonzales-Pinto A., Gotzone Z., Guimon J. (2005). Preliminary validation in Spanish of the Test of self-conscious affect (TOSCA). Avances en Salud Mental Relacional / Advances in relational mental health. Vol. 4, №. 3.
13. Lewis HB. (1971). Shame and Guilt in Neurosis. New York: Int. Univ. Press.
14. Lickel B., Schmader T., Curtis M., Scarnier M. (2005) Vicarious shame and guilt. Group Process. Intergroup Relat, Vol. 8, pp. 145-147.

15. Nathanson DL. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of Self*. New York: Norton.
16. Tangney J.P. (1996). Conceptual and methodological issues in the assessment of shame and guilt. *Behav. Res. Ther.* Vol. 34, No. 9, pp. 741-754.
17. Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D.J. (2007). Moral emotions and moral behavior. *Annual Review of Psychology*. University of California – Los Angeles, pp. 345-363.
18. Tangney, J.P., Wagner, P., Gramzow, R. (1989). *The Test of Self-Conscious Affect*. Fairfax, VA: George Mason University.

Подано до редакції 14.09.09
